

**ПОЛОЦКАЯ КНЯЖЕСКАЯ ДИНАСТИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

канд. ист. наук М.Н. САМОНОВА

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

Рассмотрены проблемы формирования полоцкой княжеской династии Рогволодовичей – Изяславичей как особой ветви Рюриковичей и истоков самостоятельности Полоцкого княжества в политической системе Древней Руси. Сделан вывод, что основные этапы образования Полоцкого княжества были связаны с «племенным княжением» полочан, установлением власти Рогволода, закреплением Полоцка как родовой собственности за Изяславом Владимировичем и его сыновьями. Возвращение Рогнеде и ее сыну Изяславу наследственных прав на Полоцк, произошедшее под влиянием скандинавских правовых обычаев, привело к политическому «воскрешению» Рогволодовичей. Династическая двойственность полоцких князей Изяславичей, которые были как Рюриковичами, так и Рогволодовичами, стала одним из оснований особого положения Полоцкого княжества в политической системе Древней Руси.

Ключевые слова: Полоцкое княжество, Древняя Русь, княжеские династии, Рюриковичи, Рогволодовичи, Изяславичи.

В недатированной части «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) полочане отнесены к предгосударственным объединениям восточных славян – «племенным княжениям» наряду с полянами, древлянами, дреговичами и словенами. Они представляли собой образования территориально-политического характера с наследственной княжеской властью. Основателями княжеского рода у полян названы братья Кий, Щек и Хорив [1, с. 9–10]. В описании событий середины X в. упоминается также древлянский князь Мал. Имена других восточнославянских князей в древнерусских источниках не названы. Вряд ли могут возникнуть сомнения в легендарности Кия и его братьев. Однако показателен тот факт, что в летописях отразилось представление о зарождении института княжеской власти в восточнославянском обществе до призвания варягов и утверждения верховенства русских князей Рюриковичей. Развитие восточнославянских территориально-политических общностей, возглавляемых местными князьями, продолжалось до определенного времени и после прихода Рюрика. Об этом довольно красноречиво свидетельствует летописный рассказ о конфликте древлянского княжения во главе с Малом с русским князем Игорем [1, с. 26–27].

О взаимоотношениях восточнославянских княжений с формирующимся государством Рюриковичей – Русью дает представление трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей». В сочинении различается «внутренняя» Русь со столицей в Киеве и «внешняя» Русь – территория, подвластная «архонту» Руси – киевскому князю Игорю. Восточнославянские общности кривичей и дреговичей, а также древлян, северян и др. – так называемые «славинии» – в середине X в. находились в данническо-союзнических отношениях с Русью. Сведения Константина Багрянородного не указывают на то, что именно полоцкие кривичи были «пактиотами» (данниками) киевских росов, поскольку в трактате упомянут Смоленск, находившийся, как известно, в землях днепровских кривичей [2, с. 51]. Таким образом, вполне вероятно, что в середине X в. полочане, в отличие от днепровских кривичей, сохраняли независимость от Киева.

Преобразование территориально-политической структуры Руси, предполагавшее ликвидацию местных князей, происходило в правление Ольги и ее сына Святослава Игоревича. При Ольге, а именно после убийства древлянами ее мужа, киевского князя Игоря, датируемого летописями 945 г., начался процесс ликвидации имевших внутреннюю автономию «славиний» древлян, дреговичей, кривичей, северян и др. и установления прямой власти Рюриковичей над восточнославянскими объединениями [3, с. 172–174; 4, с. 55]. Ольге, прежде всего, было необходимо восстановить авторитет Рюриковичей и покорить древлян. Данной ситуацией вполне мог воспользоваться прибывший в восточнославянские земли «из заморья» Рогволод, вероятно происходивший из рода норвежских ярлов из Мёра [5]. Ему удалось установить свою власть в Полоцке. В концепции летописных авторов (статья ПВЛ под 980 г., статья Лаврентьевской летописи под 1128 г.) Рогволод представлен как первый полноправный и независимый полоцкий князь.

При киевском князе Святославе Игоревиче формируется система удельного родового совладения. Государственная территория и доходы с нее рассматривались как общеродовая собственность Рюриковичей, на которую распространялось обычное наследственное право, предполагавшее равное наделение всех сонаследников, но с учетом генеалогического старейшинства. Сыновья получали свою долю отцовского наследства в виде территориального удела [4, с. 55]. В 970 г. по летописной хронологии Святослав

разделил Русь между своими сыновьями: Ярополк получил Киев, Олег стал княжить у древлян, Владимир был принят новгородцами. Вполне очевидно, что при Святославе Полоцк не вошел в общеродовую собственность Рюриковичей. Таким образом, племенное княжение кривичей-полочан, усилившееся во второй половине X в. благодаря приходу Рогволода, смогло сохранить свою независимость от киевских Рюриковичей.

О независимости Полоцка при Рогволоде говорит и то обстоятельство, что к заключению союза с ним стремились оба Рюриковича: и Владимир и Ярополк. Рогволод поддержал брак своей дочери Рогнеды с киевским князем Ярополком, что привело к нападению Владимира на Полоцк. В результате Рогволод и его сыновья были убиты, а Рогнеда насильно взята в жены Владимиром. Тем самым будущий киевский князь рассчитывал ликвидировать род Рогволода, представлявший серьезную опасность для установления единовластия Рюриковичей в восточнославянских землях. Однако вопреки первоначальному замыслу Владимира дальнейшие события привели к политическому «воскрешению» Рогволодовичей, о чем речь пойдет ниже.

Владимиру Святославичу удалось ликвидировать местных князей и подчинить власти Киева все восточнославянские объединения. Получает дальнейшее развитие система удельного родового совладения. В ПВЛ в конце статьи 988 г. сообщается о распределении Владимиром уделов между своими сыновьями: «И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершу же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» [1, с. 54]. Таким образом, при Владимире Полоцк впервые становится одним из уделов Рюриковичей, но это оказалось временным положением дел. Закрепления Полоцка в общеродовой собственности Рюриковичей так и не произошло. Чтобы понять, почему так случилось, необходимо прояснить некоторые обстоятельства.

Во-первых, почему именно Изяслав – старший сын Владимира и Рогнеды, получил в удел Полоцк. Ведь, очевидно, что с политической точки зрения решение Владимира отдать Полоцк своему старшему сыну от Рогнеды было недальновидным, поскольку по женской линии он приходился Рогволоду внуком, что автоматически создавало легитимную основу для возрождения власти местного княжеского рода и выхода Полоцка из непосредственного подчинения киевскому князю. Более логичным представляется, если бы Владимир посадил в Полоцке одного из своих многочисленных сыновей, но не от Рогнеды, который не был бы связан кровным родством с Рогволодом, а значит и с интересами местной знати. Во-вторых, почему после смерти своего старшего сына Вышеслава на его место в Новгород Владимир отправил Ярослава, а не следующего по старшинству – Изяслава. Казалось бы, что ответ на данный вопрос прост – Изяслав умер раньше Вышеслава. В таком случае странно то, что в данной летописной статье ничего не сказано о смерти Изяслава и назначении Владимиром в Полоцк нового князя. Однако существует версия о том, что Вышеслав погиб около 995 г. в результате неудачного сватовства к вдове шведского короля Сигрид [6, с. 246]. Если это верно, то Изяслав как старший сын Владимира вполне мог претендовать на удел в Новгороде. Владимир же предпочел отправить в Новгород Ярослава, который прежде был посажен в Ростове.

На наш взгляд, ответ на данные вопросы содержится в Лаврентьевской летописи во фрагменте под 1128 г., который А.А. Шахматов назвал «вставкой о Всеславичах» [7, с. 248]. Приведем этот фрагмент в сравнении с текстом ПВЛ:

Статья 980 г. ПВЛ	Статья 1128 г. Лаврентьевской летописи
«И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «Хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ». Онъ же рече дщери своей: «Хочеш ли за Володимера?». Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморѣя, имѣше власть свою в Полотскѣ, а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволождий, князя полотьскаго. Володимеръ же собра вой многи,	«О сихъ же Всеславичихъ сице есть ако скзаша вѣдущии преждъ . ако Роговолоду держащую и владѣющую и княжащую Полотьскую землю . а Володимеру сущю Новѣгородѣ . дѣтську сущю . еще и погану . и бѣ оу него [оуи его] Добрына . воевода и храборъ и нардень мужъ . ись посла к Роговолоду . и проси оу него дщере [его] за Володимера . вн же речъ дщери своєї . хочеш ли за Володимера . вна же речъ не хочю розути робичича . но Ярополка хочю . бѣ бо Роговолодъ перешель изъ заморѣя . имѣаше волость свою Полтескъ . слышавше же Володимеръ разгнѣваса в тои рѣчи вже речъ не хочю а за робичича . пожалиси Добрына и исполниса арости . и поемше вои [и] идоша на Полтескъ . и побѣдиста Роговолода . Рогъволодъ же вбѣже в городъ . и приступивъше к городу и взяша городъ . и самого [кнѣза Роговолода] аша и жену его . и дщерь его . и Добрына поноси кему и дщери его . нарекъ еи робичича . и повелѣ Володимеру быти с нею . предъ шѣмъ ея и мѣрью . потомъ шѣа ея оуби . а саму поае женѣ . и нарекоша еи има Горислава . и роди

<p>варяги и словѣни, чюдѣ и кри- вичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогънѣдъ вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дѣчерь его поя женѣ... Бѣ же Володимеръ побѣженъ похо- тью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдъ, юже поса- ди на Лыбеди, иде же ныне стоитъ сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изяслава, Мьстислава, Ярослава, Всево- лода, а 2 дщери...» [1, с. 36–37]</p>	<p>Изяслава . поѣ же пакы ины жены многы . и нача еи негодовати . нѣколи же ему пришедшу к неи . и оуснувшю . хотѣ и зарѣзати ножемъ . и ключиса ѣму оубудитиса . и ѣ ю за руку . вна же реч сжалиласи бахъ . зане вѣща моего уби . и землю ѣго полони мене дѣла . и се нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симъ . и повелѣ ѣю оустроитиса во всю тварь цѣрскую . ажеже в днѣ посага еѣ . и сѣсти на постели свѣтлѣ . в храмнѣ да пришедъ потнеть ю . вна же такъ створи . и давши же мечъ сынови своему Изяславу в руку нагъ . и речъ аже внидетъ ти вѣщъ рци выступи . вчѣ ѣда ѣдинъ мнишиса хода . Володимеръ же речъ . а хто та мнѣль сдѣ . и повергъ мечъ свои . и созва болары . и повѣда имъ . вни же рекоша оуже не оубии еѣ дѣтати дѣла сего . но въздвѣгни втчину еѣ . и даи еи с съномъ своимъ . Володимеръ же оустрои городъ . и да има . и наречъ има городу тому Изяславль . и вѣтолѣ мечъ взимають Роговоложи внуци . противу Ярославимъ внукомъ» [8, стб. 299–301].</p>
---	---

Итак, во «вставке о Всеславичах» летописец дал объяснение того, как произошло восстановление в Полоцке власти потомков Рогволода. Изяслав, появившийся на свет в результате насилия учиненного Владимиром над Рогнедой, в ходе разыгравшегося семейного конфликта заступился за мать. Исход этой драмы оказался довольно неожиданным – по совету своих бояр Владимир отправил Рогнеду и Изяслава в ее «отчину», основав для них город Изяславль. Это означало, что Рогнеда благодаря заступничеству своего сына была восстановлена в правах на отцовское наследство. Таким образом, становится понятным, почему Владимир, распределяя уделы между своими сыновьями, отдал Полоцк именно Изяславу. Потому как, к этому времени Изяслав вместе с матерью уже вступили в права владения родовой собственностью – «отчиной» – Полоцкой землей.

Такое неожиданное решение киевского князя можно интерпретировать в контексте скандинавских правовых обычаев, которые были актуальны в варяжском окружении Владимира. В Скандинавии женщины, ближайšie родственницы по отцовской линии – дочь или сестра, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола получали законное право наследовать одалъ (др.-исл. ódal) – родовое земельное владение [9, с. 53–54]. Необходимо также учитывать, что для скандинавской и восточнославянской действительности X в. были характерны сильные родовые традиции. Они проявлялись в распространении кровной мести, которая была священной обязанностью члена рода. На правовую возможность участия Рогнеды и ее сына в кровной мести за Рогволода указывают некоторые древнескандинавские и древнерусские нормы [10, с. 160–165]. В соответствии с родовыми традициями, которых придерживалось скандинавское окружение Владимира, попытка мести Рогнеды за убийство отца была полностью оправдана. Справедливым возмещением за смерть Рогволода стало возвращение Рогнеде и ее сыну прав обладания одалем (в древнерусской терминологии «отчиной») – Полоцком.

Вступление Изяслава в права владения наследством Рогволода означало, что первенец Рогнеды и Владимира перешел в род матери и тем самым он стал продолжателем рода Рогволода, благодаря чему в Полоцке уже в конце 980-х гг. оформилась собственная княжеская династия. Вероятно, что Владимир отдал Полоцк в наследственное владение Изяславу как внуку Рогволода, поэтому в дальнейшем не предпринимал никаких попыток отправить в Полоцк какого-то другого из своих сыновей. Так, после смерти Вышеслава, если это случилось около 995 г., Изяслав не перешел в Новгород, а остался княжить в Полоцке. В свою очередь, после смерти в 1001 г. Изяслава власть в Полоцке перешла его сыновьям – сначала Всеславу, а затем Брячиславу. Очевидно, что это произошло с согласия их деда, киевского князя Владимира, который признал Полоцк родовым владением Изяславичей как «Рогволодовых внуков». Имя родоначальника династии Рогволода прочно вошло в антропонимикон полоцких князей, что свидетельствует о его важном идеологическом значении в самообособлении полоцкой княжеской династии как особой ветви Рюриковичей. Известны князья Рогволод-Борис Всеславич, Рогволод-Василий Борисович. Кроме того, в системе имянаречения князей полоцкой династии также воспроизводилась вторая основа имени «Рогволод» (*Володарь* Глебович, *Всеволод* Глебович, *Володша* Василькович). Таким образом, уже с самого начала своего существования Полоцкое княжество занимало особое место в политической системе Древней Руси, обусловленное закреплением Полоцка как родового владения – «отчины» за собственной княжеской династией.

Подтверждением политической самостоятельности Полоцкого княжества является передача в 1021 г. киевским князем Ярославом Мудрым Витебска и Усвята во владения полоцкого князя Брячислава Изяславича. В 1044 г. Брячислав умер и власть в Полоцке унаследовал его сын Всеслав. Показательно, что Ярослав не предпринял никаких действий по включению Полоцка в непосредственное подчинение Киеву, как это он ранее сделал с Псковом. Известно, что в 1036 г. Ярослав захватил своего брата Судислава

и ликвидировал Псковское княжество [1, с. 66]. Следует подчеркнуть, что Судислав, не считая Ярослава, был последним из оставшихся в живых сыновей Владимира. Вполне понятно, что таким образом Ярослав нейтрализовал своего потенциального законного конкурента на киевский стол. Судислав пробыл в заточении до 1058 г., когда его освободили племянники на условии, что он станет монахом [1, с. 71].

Завещание – «ряд» Ярослава Мудрого 1054 г. явился исходной точкой формирования территориально-политической структуры Руси XII в. – земель-княжений, основой которых стали уделы Ярославичей [4, с. 8]. «Ряд» также провозглашал сеньорат старшего из живых Ярославичей – Изяслава, становившегося киевским князем: «Се же поручаю в себе мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киевь; сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы будете в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ» [1, с. 70]. Полоцк в данное распределение Ярославом земель Руси не входил, поскольку киевский князь признавал Полоцк наследственным владением местной княжеской династии.

Таким образом, с конца 980-х гг. Полоцкое княжество являлось самостоятельным территориально-политическим образованием, не входившим в общеродовую собственность Рюриковичей. Одним из оснований самостоятельности Полоцкого княжества в политической системе Древней Руси стал династический фактор. Он выразился в раннем закреплении Полоцка как родового владения («отчины») за собственной княжеской династией. Специфика положения полоцкой княжеской династии определялась тем, что Изяслав Владимирович, вступив в права владения Полоцком – родовой собственностью своей матери Рогнеды, стал продолжателем рода Рогволода.

Отличительным признаком княжеской династии является ее именованность. Имя связывает его носителя с историей рода и передает эту связь в будущее. Княжеская династия, как правило, имела характерные для нее родовые имена, которые повторялись из поколения в поколение и тем самым обеспечивали ее единство и стабильность власти [11, с. 7–8]. Выбор имени являлся своеобразным проявлением политической программы княжеской династии и ее идентифицирующим признаком. В этом отношении показателен антропонимикон полоцких князей. Важное идеологическое значение в самоидентификации полоцкой княжеской династии приобрели имена «Рогволод», «Брячислав», «Всеслав», которые выделяли ее среди других Рюриковичей. В этой связи не случайно то, что имена «Владимир» и «Изяслав» не получили распространения у полоцких князей, но приобрели большую популярность среди Ярославичей, став для них родовыми. Так, уже старшие сыновья Ярослава были названы этими именами.

Итак, полоцкая княжеская династия приобрела особый статус в политической системе Древней Руси. С одной стороны, полоцкие князья были Рюриковичами – Изяслав и Брячислав фигурируют в ПВЛ как сын и внук Владимира Святославича соответственно. Однако ко второй половине XI в. (в 1063 г. в монастыре умер последний Владимирович – Судислав [6, с. 274]) среди многочисленных сыновей Владимира остались только потомки Изяслава и Ярослава, которые в Лаврентьевской летописи названы «Рогволодовыми внуками» и «Ярославовыми внуками» соответственно. Произошло принципиальное разделение внутри рода Рюриковичей на линию Ярославичей и Изяславичей [12, с. 109–110]. С другой стороны, в летописях зафиксировано, что только потомки Изяслава Владимировича возводились к роду Рогволода. На наш взгляд, именно данная династическая двойственность полоцкого княжеского рода определила его противостояние с киевскими князьями, наследниками Ярослава Владимировича, в особенности остро проявившаяся со времени правления Всеволода Ярославича и его потомков – Мономаховичей. Следует еще раз подчеркнуть, что среди всех Владимировичей выжили только Изяславичи и Ярославичи, что и предопределило их дальнейшую борьбу, в которой полоцкие князья стремились сохранить свою самостоятельность, а киевские князья пытались подчинить Полоцкую землю своей власти. В XII в. происходило постепенное ослабление полоцкой княжеской династии. Это было связано с междоусобной борьбой Всеславичей – сыновей и внуков полоцкого князя Всеслава Брячиславича, в которую активно вмешивались киевские князья Владимир Мономах и его сын Мстислав Великий [13, с. 11–16].

На наш взгляд, для генеалогическо-династической дефиниции рода полоцких князей следует использовать обозначение – *Рогволодовичи–Изяславичи* на основании следующих признаков. Во-первых, имя Рогволод стало характерным только для полоцкой ветви Рюриковичей. Во-вторых, полоцкие князья определены в летописи как «Рогволодовы внуки». В-третьих, признание Изяслава единственным легитимным наследником рода Рогволода и Рогнеды, произошедшее с согласия его отца киевского князя Владимира Святославича, стало основой для выделения полоцкой княжеской династии в особую ветвь Рюриковичей, статус которой определялся автономным положением Полоцкой земли в древнерусской политической системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет / Рос. акад. наук ; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд. – СПб. : Наука, 1996. – 667 с.

2. Константин Багрянородный. Об управлении империей : текст, пер., коммент. / Константин Багрянородный ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – 2-е изд., испр. – М. : Наука, 1991. – 493 с.
3. Назаренко, А.В. «Слы и гостие»: о структуре политической элиты Древней Руси в первой половине – середине X в. / А.В. Назаренко // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть : XIX чтения памяти чл.-корр. Акад. наук СССР В.Т. Пашуто, М., 16–18 апр. 2007 г. : материалы конф. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: Е.А. Мельникова [и др.]. – М., 2007. – С. 169–174.
4. Назаренко, А.В. Древняя Русь и славяне : ист.-филол. исслед. / А.В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 г. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. – 528 с.
5. Самонова, М.Н. Рогволод и Рогнеда: скандинавские корни полоцкой княжеской династии / М.Н. Самонова // Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.) / отв. ред. А.В. Мартынюк. – М. : Квадрига, 2015. – С. 8–26.
6. Войтович, Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква : Видавець Олександр Пшонківський, 2006. – 782 с.
7. Шахматов, А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А.А. Шахматов. – СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1908. – XX, 686 с.
8. Полное собрание русских летописей / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Изд-во вост. лит., 1962. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку / под ред. Е.Ф. Карского. – Воспр. текста изд. 1926–1928 гг. – VIII, 577 с.
9. Гуревич, А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье: проблемы социального строя и культуры / А.Я. Гуревич ; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1977. – 337 с.
10. Никольский, С.Л. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) / С.Л. Никольский // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. – М. : Вост. лит., 2001. – С. 160–168.
11. Литвина, А.Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропоники / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М. : Индрик, 2006. – 740 с.
12. Рукавишников, А.В. Почему полоцкие князья были посланы в Византию: свидетельства источников / А.В. Рукавишников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 2(12). – С. 99–111.
13. Самонова, М.Н. Полоцкое княжество в системе династических связей и политических взаимоотношений Руси со Скандинавией и Польшей в XI – начале XIII вв. / М.Н. Самонова // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2012. – Вып. 5. – С. 7–25.

POLOTSK PRINCELY DYNASTY IN THE POLITICAL SYSTEM OF OLD RUS'

M.N. SAMONOVA

The article highlights the problems of formation of Polotsk princely dynasty Rogvolodoviches-Izyaslaviches as a distinctive branch of the Rurikids and the origins of the Principality of Polotsk independence in the political system of Old Rus. The author has come to the conclusion that the main stages of the formation of the Principality of Polotsk were associated with the Polochans «tribal reign», the establishment of power of Rogvolod and holding of Polotsk as an ancestral property of Izyaslav Vladimirovich and his sons. The returning of hereditary rights to Polotsk to Rogneda and her son Izyaslav which happened under the influence of Skandinavian legal practices led to a political “resurrection” of the Rogvolodoviches. The dynasty duality of Polotsk princes Izyaslaviches who were both the Rurikids and the Rogvolodoviches became one of the grounds of the Principality of Polotsk special position in the political system of Old Rus.

Keywords: *Principality of Polotsk, Old Rus, princely dynasties, Rurikids, Rogvolodoviches, Izyaslaviches.*